

подверглась искаженію и извращенію вслѣдствіе социальныхъ влияній и интересовъ. Очень тонко у Робаца опредѣленіе буржуазности, какъ связности и ограниченности, какъ отриванія безконечности, какъ закрытія для безконечности. Власть денегъ и собственности связываетъ и ограничиваетъ, не допускаетъ открытія души для безконечности. Робаць вѣритъ, что пролетаріатъ, не связанный и не ограниченный деньгами и собственностью, легче можетъ открыться для безконечности, чѣмъ буржуазія. Тутъ можетъ быть онъ не свободенъ отъ иллюзій, такъ какъ пролетаріатъ легко обуржуазивается и оказывается по новому связаннымъ и ограниченнымъ. Но дилемма поставлена вѣрно — Богъ или деньги, свобода отъ владѣнія, открытость для безконечности или скованность владѣніемъ и закрытіе безконечности. Въ основаніи капитализма — деньги, въ основаніи социализма долженъ быть человекъ. Робаць видитъ справедливое возстаніе противъ фарисейской буржуазной морали. Онъ также справедливо настаиваетъ на религиозномъ значеніи матеріальнаго начала въ въ человеческой жизни.

Но Робаць придаетъ социализму слишкомъ абсолютное значеніе. Онъ не хочетъ признать, что социализмъ все-таки свойственъ извѣстной эпохѣ, онъ не вѣченъ. Онъ не видитъ, какъ уже было сказано, двойственности мессіанскаго сознанія въ марксистскомъ социализмѣ. Онъ слишкомъ оптимистиченъ. Социализмъ не побѣждаетъ рока, не побѣждаетъ смерти. Но морально Робаць почти всегда бываетъ правъ, у него вѣрный моральный инстинктъ и чуткая христіанская совѣсть. Онъ дѣлаетъ нужное дѣло, религиозно и социально нужное и важное, онъ пытается снять одіумъ съ христіанства въ сознаніи рабочихъ массъ. Это есть миссіонерское служеніе. У Робаца совсѣмъ нѣтъ противнаго большевизанства, свойственнаго сейчасъ многимъ представителямъ европейской интеллигенціи, хотя социалью онъ не менѣе революционенъ, чѣмъ коммунисты, даже болѣе. Чтеніе книги Робаца очень полезно для русскихъ, которые потеряли способность судить по существу о социальныхъ вопросахъ и обь отношеніи къ нимъ христіанства и находятся во власти реакціонныхъ аффектовъ. Робаць прежде всего беретъ до конца въ серіозъ осуществленіе христіанства въ полнотѣ жизни.

Николай Бердяевъ.

Emmanuel Mounier. *Revolution personnelle et communautaire.* Ed. Montaigne.

Книга Мунье состоитъ изъ статей, напечатанныхъ въ журналѣ «Esprit». Книга эта интересна не столько какъ произведеніе индивидуальнаго мыслителя, сколько какъ свидѣтельство поколѣнія молодежи, ищущей правды. Симптоматическое ея значеніе очеръ велико. Значеніе это прежде всего духовное, а не политическое, хотя говорится въ ней очень много о политикѣ. То теченіе молодежи, которую представляетъ Мунье, свидѣтельствуешь о пробужденіи христіанской совѣсти. Это коллективная, соборная работа совѣсти. Очень хорошо говоритъ Мунье отъ лица близкой ему молодежи, группирующейя вокругъ «Esprit», что она стремится не къ успѣху, а къ свидѣтельству истины, къ исповѣдничеству. Это поразительно для эпохи, которая одержима волей къ мужеству и къ успѣху. Въ книгѣ Му-

ные, написанной на злобы дня, поражает вѣрность его нравственного инстинкта, высота нравственныхъ сужденій. Необыкновенна человѣчность этой книги, написанной въ одну изъ самыхъ безчеловѣчныхъ эпохъ исторіи. Мунье демократъ, не въ политическомъ, а въ моральномъ смыслѣ слова, народникъ. Онъ любитъ бѣдность, въ немъ есть сильный аскетическій элементъ. Онъ враждебенъ фразѣ, показному героизму, горделивой элитѣ, въ немъ есть настоящая скромность. Христіанинъ для него есть человѣкъ возмущившійся. Книга проникута революціоннымъ духомъ, она отрицаетъ буржуазный міръ, обличаетъ его неправду и прежде всего его глубокую противоположность христіанству, измѣну Христу. Буржуазное христіанство, буржуазное католичество есть измѣна Христу. Духъ для Мунье всегда революціонеръ. И онъ глубоко въ этомъ правъ. Наиболѣе чувствуется у Мунье вліяніе Шарля Пегги и Леона Блуа. Изъ мыслителей и писателей старшаго поколѣнія сочувствуетъ новой католической молодежи одинъ Жанъ Маритенъ, да и то не вполне. Мунье и все теченіе стоитъ внѣ традиціонной «правости» и «лѣвости». Эти категоріи все болѣе и болѣе теряютъ всякій смыслъ. Но по обычной терминологіи это теченіе признается все-таки очень лѣвымъ.

Вся революціонно-настроенная французская молодежь обличаетъ современный безпорядокъ и стремится къ порядку. *Ordre* есть общій лозунгъ и въ этой терминологіи чувствуется латинскій духъ. Но Мунье подчеркиваетъ, что спокойствіе не есть порядокъ. Политически у Мунье и группы «*Esprit*» есть анархическій уклонъ, который опредѣляется ихъ рѣзко выраженнымъ антиэтатизмомъ. Но они вмѣстѣ съ тѣмъ борются противъ современной духовной анархіи во имя духовнаго порядка. Книга Мунье есть прежде всего свидѣтельство о разрывѣ христіанства и духа съ реакціонностью. Это есть новое и цѣнное въ молодыхъ христіанскихъ движеніяхъ Запада. Но Мунье католикъ и въ качествѣ католика не можетъ не испытывать трудностей въ отношеніи къ социализму. Въ папскихъ энцикликахъ социализмъ былъ осужденъ. На ряду съ этимъ энциклики осуждаютъ злая стороны капиталистическаго режима и призываютъ къ социальнымъ реформамъ. Но положеніе официальнаго католичества въ отношеніи къ социализму остается двусмысленнымъ. Мунье рѣшительный врагъ капитализма, интегральный врагъ и долженъ быть признанъ социалистомъ, хотя, конечно, не въ марксистской формѣ. Онъ близокъ къ Прудону. Иногда чувствуется, какъ ему трудно говорить о правѣ частной собственности, которое признается обязательнымъ официальной социальной программой католической церкви. Мунье признаетъ лишь собственность, основанную на трудѣ. Но экономическая программа группы «*Esprit*» вообще недостаточно ясна. Противъ марксизма защищается экономическая децентрализація. Не ясно, въ какомъ смыслѣ Мунье считаетъ возможнымъ сохранить категорію капитала. Очевидно слово капиталъ онъ употребляетъ не въ марксистскомъ смыслѣ. Частную собственность католичество защищаетъ прежде всего потому, что связываетъ съ ней неразрывно семью. Это мнѣ представляется коренной ложью. Эгоизмъ семьи, который тутъ утверждается, не лучше, а еще хуже личнаго эгоизма. Право наследства создаетъ неисчислимое количество кошмарныхъ семейныхъ драмъ, изображенныхъ въ литературѣ. Семейный эгоизмъ и семейная собственность есть основа буржуазнаго міра и эту основу должна разрушить персоналистическая революція. Буржуа есть человѣкъ,

который и мѣтѣ (собственность), а не естѣ. Мунье самъ прекрасно опредѣляетъ буржуа, какъ человѣка, который потерялъ смыслъ бытія, того, чтобы быть, и прогуливается среди вещей. Католичество иногда связываетъ Мунье и мѣшаетъ ему сдѣлать всѣ выводы, но онъ очень возвышается надъ официально преобладающими католически мнѣніями, онъ человѣкъ новаго духа.

Мунье видитъ цѣль не въ счастья и благѣ общества, а въ духовной реализаціи человѣка. Это есть несомнѣнно и верховная истина христіанскаго персонализма, отличающаго его отъ всѣхъ социологическихъ ученій о человѣкѣ. Развитой персоналистической философіи нельзя найти въ книгѣ Мунье. Но онъ ставитъ въ центрѣ проблему личности, вѣрно отличая личность отъ индивидуума. Духовное для него всегда личное. Любовь возможна лишь между «я» и «ты». Но духовная реализація человѣческой личности связана съ социальной стороной человѣческаго существованія. Личность можетъ реализовать себя лишь въ *communauté*, въ общинѣ. Персоналистическая революція есть также революція социальная. Мунье настолько связываетъ личность съ *communauté*, что не хочетъ говорить «я», хочетъ говорить «мы». Это очень родственно тому, что въ православной мысли называется соборностью. Мунье и его единомышленники объявляютъ возстаніе противъ анонимности, противъ *он* (*Das Man*). Капиталистическое общество есть общество анонимное, въ немъ личность задавлена. Но и коммунизмъ столь же антиперсоналистиченъ. Индивидуализмъ и тиранія коллективизма — одинаковое зло. Наиболее сомнительнымъ мнѣ представляется пониманіе *communauté*, какъ личности. Это есть очень сложная проблема о примѣнимости категоріи личности не къ человѣку, а къ общностямъ и социальнымъ цѣлымъ. Можно ли, напр., мыслить церковь, какъ личность? У Мунье это не разработано. Возраженіе также вызываетъ его боязнь понять личность, какъ творческій актъ. Въ этомъ чувствуется вліяніе томизма, для котораго человѣкъ не творецъ.

Антиэтатизмъ Мунье мнѣ представляется очень здоровой реакціей противъ современнаго отвратительнаго обоготворенія государства, которое есть самая дурная форма язычества. Здоровымъ является также протестъ противъ власти политики въ демократіяхъ. Мунье совершенно свободенъ отъ демократическаго доктринерства. Онъ отрицаетъ идеологию 89 года, которой до сихъ поръ придерживается буржуазный радикализмъ. Но Мунье демократъ въ болѣе глубокомъ, христіанскомъ смыслѣ слова. Онъ очень отдѣляетъ себя отъ аристократической тенденціи нѣкоторой части французской молодежи. Въ этой тенденціи онъ подозреваетъ группу «*Ordre nouveau*», съ которой группа «*Esprit*» разошлась. «*Ordre nouveau*» подозрѣвается въ фашистскомъ уклонѣ, въ поклоненіи силѣ жизни, въ тайномъ нищенствѣ. Правую часть французской молодежи, которая также считаетъ себя революціонной и враждебной капитализму, Мунье обвиняетъ въ аморализмѣ, въ апеллированіи къ инстинкту, которое соединяется съ рационализмомъ. Онъ очень враждебенъ тому, что называетъ спиритуализмомъ салоновъ, и готовъ противъ него защищать частичную правду матеріализма. Онъ хочетъ быть реалкстомъ. Мунье совсѣмъ не отрицаетъ активныхъ средствъ борьбы. Онъ идетъ къ революціи не только во внутреннемъ, духовномъ смыслѣ, но и во внѣшнемъ, социальномъ смыслѣ. Понятіе революціи у него углублено, но все-таки недостаточно выяснено, что является предметомъ нападеній на все направленіе и со стороны сторонниковъ рево-

люди и со стороны ея враговъ. Христіанское сознаніе требуетъ прежде всего внутренняго, духовнаго переворота. Для него дороже всего, выше всего человѣческая личность. Духу принадлежитъ примать и только духъ универсаленъ, жизнь же не универсальна. Революція начинается въ духѣ. Это истина несомнѣнная. Но персонализмъ имѣетъ свою социальную проэктію. Соціальная проэктіей персонализма является новая общность, общинность (*communauté*) людей. Персонализмъ несомѣстимъ съ капиталистическимъ обществомъ, для котораго личность есть средство и вещь. Систему наиболѣе соответствующую христіанскому персонализму я называю персоналистичнымъ социализмомъ. Мунье и все движеніе «*Esprit*» наиболѣе близко персоналистическому социализму, хотя выраженія этого не употребляетъ. Нельзя не пожелать, чтобы русскіе читали такія книги, какъ книга Мунье. Это можетъ быть способствовало бы освобожденію ихъ отъ многихъ болѣзненныхъ аффектовъ и ассоціацій, мѣшающихъ разсматривать проблемы по существу. Книга Мунье разсматриваетъ проблемы по существу передъ христіанской совѣстью.

Николай Бердяевъ.

Die Ostkirche betet. Hymnen aus den Tagzeiten der byzantinischen Kirche. Die Vorfastenzeit. Uebertragung aus dem Griechischen und Vorrede von P. Kilian Kirchner O. F. M. Einfuehrung ueber dem «Aufbau des byzantinischen Breviers» von Prof. D. Dr. Anton Baumstark. Verlag Jacob Hegner in Leipzig (1934), 2038.

Интересъ къ православію, который замѣчался нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Германіи, главнымъ образомъ среди протестантовъ, за послѣдніе годы упалъ, но не исчезъ окончательно. Если раньше онъ былъ присущъ болѣе широкимъ кругамъ, то въ послѣднее время онъ является достояніемъ узкаго круга лицъ, либо лично ищущихъ религіознаго удовлетворенія въ православіи, либо имѣющихъ чисто-научные интересы. Измѣнился и самый характеръ отношенія: раньше имѣли широкое распространеніе книги о православіи, — нынѣ стремятся знать самую сущность его. Обозрѣвая все то, что было посвящено православію за послѣднее время, мы замѣчаемъ, что здѣсь вниманіе прежде всего уделяется святоотеческой литературѣ и православной литургикѣ. Тѣ небольшіе переводы, которые существуютъ на нѣмецкомъ языкѣ имѣютъ исключительно «академическій» характеръ и кромѣ узкаго круга ученых-богослововъ никому неизвѣстны. Можемъ теперь отмѣтить, между прочимъ, появленіе очень хорошаго перевода «гимновъ» Симеона Новаго Богослова (1930. Hegner-Verlag) первое изданіе на нѣмецкомъ языкѣ, хотя отличная книга о немъ Карла Голля вышла уже почти сорокъ лѣтъ тому назадъ. Въ глубокой провинціи выходитъ переводъ «*Liber ascetiens*» Максима Исповѣдника, извѣстнаго только самому узкому кругу нѣмецкихъ богослововъ. Появилась очень интересная книга бенедиктинца Филиппа Оппенгейма о «Символикѣ и религіозной значимости монашескаго одѣянія по святоотеческой литературѣ древней восточной Церкви», трудъ тщательнаго изученія православной святоотеческой литературы. Книга во много разъ лучше и подробнѣе разсматривающая этотъ интересный вопросъ, чѣмъ сочиненіе архим. Иннокентія (Бѣляева) «Постриженіе въ монашество», 1898. Съ книгой Оппенгейма мы постараемся познакомить читателей «Пути».